

**ОБРАЩЕНИЕ В ТРЕТЕЙСКИЙ СУД И
КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВО НА СУДЕБНУЮ ЗАЩИТУ В
КОНТЕКСТЕ ПОСТАНОВЛЕНИЯ КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА
ЛАТВИЙСКОЙ РЕСПУБЛИКИ ОТ 17 ЯНВАРЯ 2005 ГОДА**

Зиедонис УДРИС (Латвия),

Председатель правления Третейского суда ТПП Латвии

После восстановления независимости Латвийской Республики в 1991 году и вступления в Европейский Союз в 2004 году у предпринимателей, осуществляющих свою деятельность на территории Латвии, появились новые возможности разрешения коммерческих споров и других споров, связанных с их коммерческими сделками.

Таким образом, предприниматель в Латвии может передать свой спор, в зависимости от его характера, на рассмотрение в обычный суд, административный суд, при наличии арбитражного соглашения – в арбитражный суд, Европейский Суд по правам человека, Суд Европейского Союза, или использовать способы разрешения споров, предусмотренные в международных договорах о защите инвестиций, заключенных Латвийской Республикой с другими странами.

Если предприниматель сочтёт, что он не сможет разрешить спор в свою пользу по той причине, что какая-то законодательная норма является для него неблагоприятной, теперь он может попытаться её оспорить в Конституционном Суде, который создан и действует в Латвийской Республике с 1996 года.¹ Если неблагоприятная для предпринимателя законодательная норма будет признана Конституционным Судом несоответствующей Конституции, у предпринимателя появляется возможность на пересмотр спора в его пользу.

Именно так решил поступить предприниматель, не в пользу которого было принято решение Арбитражного Суда ТПП Латвии. Спор предпринимателя со строительной компанией заключался в том, что строительная компания разработала проект на строительство автосервиса, но разрешение на строительство не могла получить, так как заказчик проекта, то есть предприниматель, отказывался поставить свою подпись на генплане, подтвердив этим своё согласие с разработанным проектом. Предприниматель оспаривал готовность проекта и отказывался заплатить за работу проектировщиков под тем предлогом, что в договоре было оговорено, что оплата за проект производится только после получения разрешения на строительство от местного самоуправления. В ходе рассмотрения спора была назначена экспертиза проекта, которая подтвердила, что единственной преградой для получения разрешения на строительство является обусловленное законом формальное требование – подпись предпринимателя на генплане. При таких обстоятельствах арбитражный суд посчитал, что было бы несправедливо не заплатить проектировщикам за проделанную работу, и постановил взыскать с предпринимателя плату за разработанный строительный проект, обосновав решение соответствующими правовыми нормами Гражданского закона Латвийской Республики.²

¹ <http://www.satv.tiesa.gov.lv/?lang=3&mid=3>

² Например, ст. 1 Гражданского закона Латвийской Республики предписывает использование прав и обязанностей соответственно добной воле. <http://likumi.lv/doc.php?id=225418>

Предприниматель, будучи несогласным с тем, что арбитражный суд не подошёл к рассмотрению спора чисто формально, подал в Конституционный Суд жалобу с целью оспорить процессуальные нормы Гражданского-процессуального закона Латвии, обязывающие суд не принимать исковое заявление при наличии арбитражного соглашения и прекращать судопроизводство в случае, если стороны такое соглашение заключили уже в ходе рассмотрения спора судом. Конституционную жалобу предприниматель обосновал тем, что, во-первых, по его мнению, «рассмотрение дела в арбитражном суде не может приравниваться к справедливому и открытому своевременному рассмотрению дела в независимом и объективном суде»³ в понимании статьи 92 Конституции Латвийской Республики⁴, которая предусматривает, что каждый имеет право защищать свои права и обязанности в справедливом суде, а также статьи 6 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод, гарантирующей право на справедливый суд. В связи с этим предприниматель считает, что арбитражные соглашения не должны являться обязательными для сторон, заключившим такие соглашения.

Однако Конституционный Суд, тщательно проанализировав судебную практику Европейского Суда по правам человека, соответствующие нормы международного права, а также научные публикации ведущих теоретиков права, в том числе, в области конституционного, гражданского и гражданско-процессуального права, не согласился с мнением предпринимателя. Конституционный Суд определил, что право на разрешение спора в справедливом суде не является абсолютным, и стороны на основании принципа свободы договора могут это право ограничить, заключив соглашение о передаче своего спора на рассмотрение в арбитражном суде.

Государственный контроль законности решений арбитражных судов должен осуществляться на стадии выдачи исполнительных листов судами.

Орган, издавший документ:

Конституционный суд

Тип документа: решение

Принято: 17.01.2005

Вступило в силу: 18.01.2005

Опубликовано:

„Latvijas Vēstnesis”, 9 (3167),

18.01.2005

«О соответствии пункта 3 части первой статьи 132 и пункта 6 статьи 223 Гражданского-процессуального закона статье 92 Конституции Латвийской Республики»

Решение Конституционного суда Латвийской Республики

Именем Латвийской Республики

Рига, 17 января 2005 года по делу № 2004-10-01

Конституционный суд Латвийской Республики в следующем составе: председатель судебного заседания Айвар Эндзиньш, судьи Роман Апситис, Айя Бранга, Ильма Чепане, Юрис Елагин, Гунар Кутрис и Андрей Лепсе, по заявлению общества с

³ См. <http://likumi.lv/doc.php?id=99658>

⁴ См. <http://likumi.lv/doc.php?id=57980>

ограниченной ответственностью „Asmers”, на основании статьи 85 Конституции Латвийской Республики и пункту 1 статьи 16, пункту 11 части первой статьи 17 и статьи 281 Закона о Конституционном суде, в письменном процессе 21 декабря 2004 года на судебном заседании рассмотрел дело «О соответствии пункта 3 части первой статьи 132 и пункта 6 статьи 223 Гражданского-процессуального закона статье 92 Конституции Латвийской Республики».

Констатирующая часть

1. Пункт 3 части первой статьи 132 и пункт 6 статьи 223 Гражданского-процессуального закона (далее – оспариваемые нормы) соответственно предусматривают, что судья отказывает в приёме искового заявления и суд прекращает судопроизводство по делу, если «стороны в установленном законом порядке договорились о передаче спора на рассмотрение в третейский суд».

2. Податель заявления – общество с ограниченной ответственностью „Asmers” (далее – Заявитель) – просит оценить соответствие оспариваемых норм статье 92 Конституции Латвийской Республики (далее – Конституция).

Заявитель считает, что нарушение права, гарантированного статьёй 92 Конституции, возникло в связи с рассмотрением спора в третейском суде при Торгово-промышленной палате Латвии, в котором он в качестве ответчика был вовлечен в судопроизводство против акционерного общества „RBS Skals”. Спор между сторонами был рассмотрен в третейском суде в исполнение третейской оговорки, включённой в договор о проектировании и строительстве.

Решение третейского суда Заявитель счёл необоснованным, однако в суде общей юрисдикции не смог успешно возразить против выдачи исполнительного листа.

В конституционной жалобе Заявитель указал, что, во-первых, рассмотрение дела в третейском суде не может приравниваться к справедливому и открытыму своевременному рассмотрению дела в независимом и объективном суде в понимании Конституции и Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод (далее – Конвенция), и, во-вторых, в демократическом и правовом государстве для правового субъекта не является обязательным включённый в договор отказ от прав человека, гарантированных Конституцией или Конвенцией.

Заявитель обращает внимание на, по его мнению, существенное различие в регулировании судов общей юрисдикции и третейских судов: не предусмотрено, что решение третейского суда должно быть законным, обоснованным и мотивированным. Если такое требование было бы выдвинуто и к тому же «закон предусматривал бы, что законность и обоснованность решения третейского суда вправе оценивать предусмотренный в законе государственный судебный орган», третейские суды, по мнению Заявителя, могли бы существовать.

3. Орган, издавший оспариваемые правовые нормы, – Сейм – в ответном письме указывает, что они не противоречат статье 92 Конституции.

Сейм считает, что оспариваемые нормы имеют легитимную цель, а именно: они уменьшают судебную нагрузку: если бы не существовало оспариваемых правовых норм и институции третейских судов, то рассматриваемые в них споры пришлось бы рассматривать в суде, что создавало бы перегрузку. Далее в

ответном письме Сейм в качестве преимуществ, предоставляемых оспариваемыми нормами, упоминает возможность поручить рассмотрение спора лицам, которые, по мнению сторон, являются для них наиболее подходящими, а также завершить судопроизводство в сравнительно короткий период времени.

Сейм также анализирует договорную природу третейской оговорки, делая вывод о том, что оспариваемые нормы обеспечивают сохранение равновесия сторон, поскольку не позволяют ни одной из них в одностороннем порядке отказаться от оговорённого механизма разрешения споров. Сейм подчёркивает, что Граждано-процессуальный закон защищает участников дела от чрезмерно долгого третейского процесса, однако, в случаях, указанных в статье 493, допускает односторонний отказ от договора о третейском суде.

Также Сейм обращает внимание на ограничения для передачи споров некоторых категорий на рассмотрение в третейский суд и на компетенцию третейского суда принимать решение о подсудности.

Наконец, Сейм указывает на то, что права лица защищаются на стадии выдачи исполнительного листа, когда, согласно статье 536 Граждано-процессуального закона, он не выдаётся, если дело не было подведомственно третейскому суду.

4. Мнение по рассматриваемому делу Конституционный суд попросил высказать Государственное бюро по правам человека (далее – ГБПЧ), Центр по защите прав потребителей (далее – ЦЗПП), Совет по конкуренции (далее – СК) и доцента юридического факультета Латвийского университета, доктора юридических наук Яниса Розенберга.

4.1. ГБПЧ указывает, что, хотя у него отсутствуют концептуальные возражения против существования третейских судов, оспариваемые нормы не соответствуют статье 92 Конституции, «поскольку не установлены достаточно широкие ограничения для заключения третейских оговорок, а также не обеспечен надлежащий контроль деятельности третейских судов».

ГБПЧ подчёркивает, что право обращаться в суд является лишь одним из элементов, составляющих содержание статьи 92 Конституции, статьи Конвенции и статьи 14 Международного пакта о гражданских и политических правах (далее – Пакт). Лицо может отказаться от права обращаться в суд, однако это не означает отказа от других прав, защищённых данными нормами например, от права на рассмотрение дела в присутствии лица, равноправной стороны, обоснованность решения, независимость и объективность суда.

В письме отмечается, что латвийские правовые акты не предусматривают обязательного рассмотрения дела в третейском суде, однако ГБПЧ указывает на то, что не всегда имеет место презумируемое в гражданском праве равноправие лиц. Поэтому «в правовых системах демократических государств обычно существуют такие нормы, целью которых является защита экономически более слабой или наименее опытной стороны при заключении договоров». ГБПЧ указывает на нормы, которые защищают работников и потребителей от принуждения к заключению третейской оговорки, однако также обращает внимание на отсутствие защиты в законе «О найме жилых помещений» и не слишком разъясняет защиту от злонамеренного использования доминирующего положения в статье 13 Закона о конкуренции. В целом, ГБПЧ считает, что в настоящий момент не установлены достаточно широкие ограничения для заключения третейской оговорки.

Комментируя процедуру выдачи исполнительного листа, ГБПЧ указывает на два существенных недостатка нынешнего регулирования: срок для подачи возражений слишком короткий, и Гражданско-процессуальный закон не предусматривает возможности отказать в выдаче исполнительного листа, если третейский суд нарушил нормы материального права.

4.2. ЦЗПП указывает, что третейская оговорка является весьма частым явлением в потребительских договорах – по крайней мере, в тех, которые находятся в его делопроизводстве. ЦЗПП также подчёркивает, что с его помощью несправедливые условия договора, в том числе, третейские оговорки, из потребительских договоров могут быть исключены, таким образом, потребителям обеспечиваются права, предусмотренные в Законе о защите прав потребителей.

4.3. СК указывает, что запрет злонамеренного использования доминирующего положения, сформулированный в статье 13 Закона о конкуренции, может относиться также к принуждению к заключению третейской оговорки участников конкретного рынка. Кроме того, в доминирующем положении могут находиться несколько участников рынка совместно. Однако СК особо подчёркивает необходимость оценивать каждый случай отдельно.

4.4. Доктор юридических наук Я. Розенберг считает, что оспариваемые нормы не ограничивают права, закреплённые в статье 92 Конституции. В письме также указано, что «заключение третейской оговорки, как и любой сделки, связано с известным риском», поэтому недовольство от её исхода ещё не является причиной для того, чтобы рассматривать договор как несправедливый. Однако Д. Доктор юридических наук Я. Розенберг признаёт, что право лица выступать против выдачи исполнительного листа является недостаточным, поскольку, во-первых, просьба выдать исполнительный лист рассматривается без участия сторон, и, во-вторых, решение о выдаче исполнительного листа невозможно обжаловать.

Мотивировочная часть

5. Третейские суды не принадлежат к системе судебной власти, которая определена в разделе 6 Конституции и в законе «О судебной власти». Как уже постановлял Конституционный суд, обозначению «суд», используемому в статье 92 Конституции, не соответствует институция, не созданная в порядке, предусмотренном в данных нормативных актах (см. пункт 5 мотивированной части решения Конституционного суда от 23 апреля 2003 года по делу № 2002-20-0103). Таким образом, данное обозначение не относится к третейским судам.

6. Оспариваемые нормы предусматривают, что судья отказывает в приёме искового заявления, и суд прекращает судопроизводство по делу, если стороны в установленном законом порядке договорились о передаче спора на рассмотрение в третейский суд. Таким образом, из содержания норм следует, что, оспаривая их соответствие статье 92 Конституции, Заявитель счёл их несоответствующими конкретному праву, гарантированному в данной статье, а именно: праву обратиться в суд.

Первое предложение статьи 92 Конституции, согласно которому «каждый имеет право защищать свои права и обязанности в справедливом суде», содержит нормы как материальной, так и процессуальной природы. Иными словами, каждый имеет право на доступность суда, и судебный процесс должен быть справедливым. Как ранее указывал Конституционный суд, материальный и процессуальный аспекты права на справедливый суд неразрывно связаны:

справедливость процесса судебного разбирательства не имела бы значения, если бы не была обеспечена доступность такого процесса, и наоборот – доступность суда была бы излишней, если бы не была обеспечена справедливость процесса (см. пункт 1.1 мотивированной части решения Конституционного суда от 27 июня 2003 года по делу № 2003-04-01).

7. Основные права, гарантированные в разделе 8 Конституции, ограничение которых прямо предусмотрено, перечислены в статье 116 Конституции, однако право на справедливый суд среди них не упомянуто. Тем не менее, как ранее указывал Конституционный суд, из статьи 116 не следует, что права, гарантируемые в статье 92, являются абсолютными.

7.1. Конституционный суд уже выносил решение о том, что содержание статьи 92 Конституции должно толковаться во взаимосвязи со статьей 89, которая предусматривает: «Государство признаёт и защищает основные права человека в соответствии с настоящей Конституцией, законами и обязательными для Латвии международными договорами». Из данной статьи видно, что целью законодателя не являлось противопоставление норм по правам человека, включённых в Конституцию, международным нормам по правам человека, цель была прямо противоположная – добиться взаимной согласованности этих норм (см. пункт 1 мотивированной части решения Конституционного суда от 27 июня 2003 года по делу № 2003-04-01). В случаях, когда имеются сомнения в содержании норм по правам человека, включённых в Конституцию, они толкуются по возможности в соответствии с той интерпретацией, которая используется в практике применения международных норм по правам человека (см. пункт 5 мотивированной части решения Конституционного суда от 30 августа июня 2000 года по делу № 2000-03-01 и пункт 1 мотивированной части решения Конституционного суда от 22 октября 2002 года по делу № 2002-04-03).

Статья 6 Конвенции предусматривает: «Каждый, определив обоснованность гражданских прав и обязанностей [...], имеет право на справедливое и публичное разбирательство дела в разумный срок независимым и беспристрастным судом, созданным на основании закона».

Европейский суд по правам человека (далее – ЕСПЧ) по делу «Голдер против Великобритании», заключив, что хотя часть первая статьи 6 Конвенции содержит также право обращаться в суд, тем не менее подчеркнул, что это право не является абсолютным (см.: Golder v. United Kingdom [1975] ECHR 1, para. 38). Позднее по делу «Девир против Бельгии» ЕСПЧ уже указал, что возможность отказаться от права обращаться в суд является весьма обычным явлением в правовых системах государств договаривающихся сторон, и что соглашение о третейском суде является типичным примером такого отказа. Если отказ состоялся по свободному волеизъявлению, то противоречие со статьей 6 Конвенции отсутствует, в частности потому, что «для индивида и системы юстиции [из отказа] вытекают неопровергимые преимущества» (Deweert v. Belgium [1980] ECHR 1, para. 49). В то же время ЕСПЧ указал, что в вопросе по отказу от права обращаться в суд он согласен с мнением Европейской комиссии по правам человека в деле "Х против Германии" (см.: X c. Allemagne, № 1197/61): согласно заключению комиссии отказ считается состоявшимся по свободному волеизъявлению даже тогда, когда лицо имело возможность

уклониться от заключения третейской оговорки, желая всего лишь не связывать себя договором, в который включена третейская оговорка.

Кроме того, по мнению Комитета министров Совета Европы, разрешение споров в третейском суде не только допустимо, но даже желательно. В предложении IV Рекомендации № R(86)12 от 16 сентября 1986 года «О мерах по недопущению и сокращению чрезмерной рабочей нагрузки на суды» (далее – Рекомендация) сказано, что правительствам стран-участниц предлагается обсудить возможность «с помощью необходимых средств и в соответствующих случаях принять меры для упрощения доступа к альтернативным способам разрешения споров и повышения их эффективности в качестве процедуры, заменяющей судебное разбирательство». (Measures to prevent and reduce the excessive workload in the courts, Council of Europe, 1987, p.6).

7.2. Тем не менее, как Конституционный суд указывал ранее, трактуя нормы Конституций, в том числе статью 92, в соответствии с практикой применения международных норм по правам человека, одновременно надлежит убедиться, не содержится ли в соответствующей норме более широкие права, чем установлено международными документами (см. пункт 3 мотивированной части решения Конституционного суда от 17 января 2002 года по делу № 2001-08-01).

Конституционный суд многократно приходил к выводу: Конституция является единым целым, и содержащиеся в ней нормы подлежат системному толкованию (см. пункт 2 мотивированной части решения Конституционного суда от 22 октября 2002 года по делу № 2002-04-03 и пункт 1 мотивированной части решения Конституционного суда от 26 ноября 2002 года по делу № 2002-09-01). Допущение, что для каждого конкретного права лица, предусмотренного в статье 92, вообще нельзя установить ограничение, вступило бы в противоречие как с гарантированными Конституцией основными правами других лиц, так и с другими нормами Конституции (см. пункт 8.1 настоящего решения, а также упомянутое решение Конституционного суда от 26 ноября 2002 года по делу № 2002-09-01 и пункт 1.1 мотивированной части решения от 27 июня 2003 года по делу № 2003-04-01).

Кроме того, статья 86 Конституции предусматривает: «Суд могут отправлять только те органы, которым такое право предоставлено законом и только в установленном законом порядке». Рассматривая статьи 86 и 92 Конституции во взаимосвязи и учитывая выражение «только в установленном законом порядке», необходимо сделать вывод о том, что законом можно ограничить право обращаться в суд, если ограничение, как пришёл к выводу ЕСПЧ в отношении прав, предусмотренных в части первой статьи 6 Конвенции, установлено законом, для ограничения имеется легитимная цель и ограничение соразмерно с легитимной целью (см. Решение ЕСПЧ по делу Fayed v. United Kingdom [1994] ECHR 27, паг. 65, а также пункт 1.2 мотивированной части решения Конституционного суда от 27 июня 2003 года по делу № 2003-04-01).

Конституционный суд не согласен с утверждением Заявителя о том, что добровольное ограничение основного права не может быть обязательным для лица. Данную позицию Заявитель не обосновывает иначе, как только примерами: не может иметь силы договор, по которому лицо обязуется ограничить, к примеру, пассивное избирательное право, право объединяться в профсоюзы, а также свободу религии; из чего делается вывод о том, что «таким образом, не может иметь силы договор, по которому лицо отказывается от своих [...] гарантий».

рованных [...] статьёй 92 Конституции прав человека». Такая аргументация недостаточна, поскольку использованные примеры кажутся существенно отличающимися от рассматриваемого в деле вопроса о соответствии оспариваемых норм закреплённому в Конституции праву на обращение в суд, и Заявитель не пояснил, усматривается ли сходство и в чём оно состоит. Задачей Конституционного суда в данном случае является не разработка общей теории о допустимости добровольного ограничения основных прав, а лишь оценка необходимости и соразмерности оспариваемых норм, поэтому достаточно указать, что необходимым уважительным предварительным условием такого ограничения является наличие легитимных интересов.

7.3. Таким образом, предусмотренное в статье 92 Конституции право обращаться в суд, рассматриваемое ни отдельно, ни в контексте с международными нормами по правам человека, не является абсолютным и может быть ограничено.

8. При решении вопроса о соответствии оспариваемых норм статье 92 Конституции, следует согласиться с ранее процитированным утверждением (см. пункт 7.1 настоящего решения) о том, что для лица и судебной системы они обеспечивают неоговоримые преимущества.

8.1. Из гарантированного Конституцией права на имущество также вытекает право свободно им распоряжаться, например, при заключении гражданско-правовых договоров. Этот принцип гражданско-правовой свободы был бы ограничен, если у договаривающихся сторон не было бы возможности прийти к соглашению о подходящем для них содержании договора, в том числе, предусмотрев рассмотрение спора в третейском суде с намерением использовать преимущества подобного решения. Европейская комиссия по правам человека также указала: «До тех пор, пока процесс третейского суда основывается на соглашении участников спора, [ограничение обращаться в суд] является естественным последствием их свободы регулировать взаимные отношения по своему усмотрению» (*Axelsson v. Sweden*, No 11960/86). В правоведении даже признаётся, что диспозитивность сторон является одним из проявлений прав человека и необходима для реализации личной свободы (см.: Jayme, E. Menschenrechte und Theorie des Internationalen Privatrechts, Jahresheft 1991/1992 der Internationalen Juristenvereinigung Osnabrück, Osnabrück, 1992, p.25). Поэтому абсолютизированное право обращаться в суд вступило бы в противоречие с другими правами конституционного ранга и создало бы несбалансированность закреплённых в Конституции основных прав.

8.2. Оспариваемые нормы обеспечивают гражданско-правовую свободу, поскольку соглашение договаривающихся сторон о рассмотрении спора в третейском суде не было бы возможным в его традиционном и международно принятом понимании, если бы при рассмотрении дела по существу допускалось судопроизводство в суде общей юрисдикции, даже если бы стороны договорились о передаче спора в третейский суд. В правовой литературе всегда указывается, что к преимуществам третейского судопроизводства относится его сравнительная быстрота (см., например: *Bukovskis, V. Civilprocesa mācības grāmata, autora izdevums, Rīga, 1933, 570.lpp.*), возможно, также более низкие расценки и профессиональная специализация третейских судей, окончательность решения, возможность договориться о процессе, который отличается от процесса суда общей юрисдикции,

а также конфиденциальность (см., напр.: Sutton, D. St. J., Gill, J. Russell on Arbitration, 22nd edition, Sweet & Maxwell, 2003, pp.7–10; Redfern, A., Hunter, M. Law and Practice of International Commercial Arbitration, 3rd edition, Sweet & Maxwell, 1999, pp.23–30). Конституционный суд отклоняет аргумент Заявителя о том, что недостатком регулирования процесса третейского суда считается отсутствие таких требований, которые устанавливали бы, что, по мнению Заявителя, решение должно быть обосновано нормами материального и процессуального права Латвии. Совсем наоборот – одним из преимуществ такого процесса является возможность договориться о том, что третейский суд разрешает спор как мировой посредник (*amiable compositeur*) или «по совести и справедливости» (*ex aequo et bono*), или на основании международных торговых обычаев (*lex mercatoria*). Эмпирическими исследованиями констатировано, что коммерсанты придают большое значение возможности эффективного, скорого и удобного воплощению в жизнь решений третейского суда, а также запрету подавать апелляцию по существу (см.: Bürling-Uhle, Ch. Arbitration and Mediation in International Business: Designing Procedures for Effective Conflict Management, Kluwer Law International, 1996, pp.136–137). В пояснении к уже упомянутой Рекомендации (см. пункт 7.1 настоящего решения) Комитет министров также указал, что скорость работы третейского суда, профессиональная специализация и сравнительно менее формальный процесс, несомненно, являются его преимуществами (pp.15–16).

8.3. Рассмотрение споров в третейских судах снижает также нагрузку судов общей юрисдикции (см. Рекомендацию, а также решение Европейской комиссии по правам человека по делу Axelsson v. Sweden, No 11960/86). Частноправовой характер третейской оговорки и третейского процесса исключает возможность ведения точного учёта рассмотренных дел. Однако и статистика в отношении требования принудительного исполнения подтверждает, что это количество не является незначительным. Как, ссылаясь на полученные из Министерства юстиции сведения, в ответном письме указал Сейм, в 2003 году на принудительное исполнение решений третейских судов подано почти четыре тысячи заявлений и только 49 из них были отклонены.

8.4. Таким образом, у оспариваемых норм имеется легитимная цель, а именно: они обеспечивают быстрое и эффективное рассмотрение споров, снижают нагрузку судов, а также дают некоторые иные преимущества.

9. Принимая во внимание то, что целью закреплённых в Конституции основных прав является защита интересов лица, Конституционный суд признаёт, что свободная воля, которая при заключении третейской оговорки выражается в форме гражданско-правовой сделки, является адекватным критерием допустимости ограничения основных прав. Если только не нарушаются защищаемые законом интересы других лиц, задачей ни законодателя, ни Конституционного суда не является замена волеизъявления лица своим заключением о желаемой модели действия и о его разумности.

Тем не менее, оценивая соразмерность вытекающего из оспариваемых норм ограничения обращаться в суд, среди прочего следует помнить, что ограничить можно также само ограничение. Независимо от воли лица законодатель запрещает ему в установленных случаях и в определённых формах ограничивать

свои права, гарантированные статьёй 92 Конституции. Во-первых, свобода отказаться от гарантированных статьей 92 Конституции прав даётся лишь в той мере, в которой она не становится несовместимой с основными принципами государственной правовой системы. Поэтому, оценивая соразмерность оспариваемых норм, надлежит выяснить, регулируется ли их применимость таким образом, чтобы эта граница не нарушалась (см. пункт 9.1 настоящего решения). Во-вторых, объём, до которого лицо ограничивает свои основные права, заключая третейскую оговорку, уменьшается также регулированием процесса третейского суда (см. пункт 9.2 настоящего решения). В-третьих, в регулировании отдельных отраслей предусмотрена защита от «принуждения» к третейской оговорке для более слабого в хозяйственном смысле или менее опытного участника сделки (см. пункт 9.3 настоящего решения).

9.1. Как указано ранее, право обращаться в суд, содержащееся в статье 92 Конституции, может быть ограничено (см. пункт 7.3 настоящего решения) и в случае заключения третейской оговорки для такого ограничения имеется легитимная цель (см. пункт 8.4 настоящего решения). Однако право на справедливый суд, гарантированное статьёй 92, не содержит только право на доступность суда, поэтому из сказанного также не следует, что заключение третейской оговорки может рассматриваться как отказ от всех прав, гарантированных упомянутой нормой. Так всегда указывали также контролирующие институции Конвенции (см.: X c. Allemagne; R c. la Suisse, № 10881/84; см. также: Deweer v. Belgium, para. 49; Nordström-Janzon and Nordström-Lehtinen v. The Netherlands, No 28101/95). В деле «Альбер и Леконт против Бельгии» ЕСПЧ *obiter dictum* даже указал, что некоторые из защищённых статьёй 6 прав являются настолько фундаментальными и важными для демократического общества, что от них невозможно отказаться даже по свободному и не подверженому никакому влиянию волеизъявлению (см.: Albert and Le Compte v. Belgium [1983] ECHR 1, para. 35).

Хотя институции Европейского Совета в своей практике не отделяли добровольно ограниченные и не ограниченные права, гарантированные статьёй 6, в правоведении сделан вывод о том, что ко второй группе принадлежат, по крайней мере, право на равноправие сторон, независимость суда и возможность быть выслушанным, а также право на объективный суд (см., напр.: Briner, R., von Schlabrendorff, F. Article 6 of the European Convention on Human Rights and its Bearing upon International Arbitration, in: Briner, R., Fortier, L. Y., Berger, K. P., Bredow, J. (eds.) Law of International Business and Dispute Settlement in the 21st Century, Carl Heymanns Verlag, 2001, p.92–95; Petrochilos, G. Procedural Law in International Arbitration, Oxford University Press, 2004, pp.130–131; Jaksic, A. Arbitration and Human Rights, Peter Lang, 2002, pp.56, 249). Эти права являются особо существенными потому, что они необходимы для защиты достоинства человека и власти закона (см.: Briner&von Schlabrendorff, p.97; Jaksic, p.218). Статья 1 Конвенции, а также предусмотренная статьёй 95 защита достоинства человека требует подобных соображений при определении тех процессуальных прав, которые заслуживают особой строгой защиты.

Не следует отрицать, что упомянутые права действительно широко признаны. Их гарантирует как Конвенция, так и часть первая статьи 14 Пакта и норма, включённая в статью 10 Всеобщей декларации прав человека, имеющая статус нормы международного обычного права. Защита этого права предусмотрена

также в Типовом законе о международном коммерческом арбитраже Комиссии Организации Объединённых Наций по праву международной торговли (см.: UNCITRAL Model Law on International Commercial Arbitration, <http://www.uncitral.org/english/texts/arbitration/ml-arb.htm>, далее – Типовой закон),, Типовой закон, хотя и задумывался как модель процесса урегулирования международных коммерческих споров, стал современным стандартом нормативного регулирования третейских судов во всём мире (см.: Redfern & Hunter, p.342).

Ранее упомянутое дело ЕСПЧ "Альбер и Леконт против Бельгии" *dictum*, согласно которому от некоторых процессуальных прав невозможно отказаться даже добровольно, частично перекликается с высказанным Заявителем мнением о том, что договорное ограничение прав, гарантированных в статье 92 Конституции, не может быть обязательным для лица. Тем не менее, относительно упомянутых особо защищаемых процессуальных прав такая категоричная формулировка была бы неточной и несовместимой с сутью процесса третейского суда. Конституционный суд подчёркивает, что в практике многих других государств суды также считают, что лицо отказалось, к примеру, от права быть выслушанным, если оно игнорировало процесс третейского суда, или же от права на объективный суд, если оно своевременно не предъявило возражения против необъективности третейского суда (см.: Jaksic, pp.238, 256–276; Briner & von Schlabrendorff, pp.94–95). Третейская оговорка не имела бы смысла, если какой-либо из его участников мог бы выбрать неиспользование своих процессуальных прав, чтобы позднее, ссылаясь на их неотъемлемость, возражать против исполнения решения.

Несмотря на упомянутый вывод по делу «Альбер и Леконт против Бельгии», в решении о приемлемости дела «Сованиеми против Финляндии» ЕСПЧ тем не менее указал, что при конкретных обстоятельствах дела заявитель, своевременно не возразивший против необъективности третейского судьи, недвусмысленно отказался от права на объективный суд (см.: Suovaniemi v. Finland, No 31737/96). Обязанностью государства является не устранение каждого нарушения процессуального права, а обеспечение возможности для его устранения (см.: Petrochilos, p.164). Принимая во внимание значимость этого права в демократическом обществе, допускаемые стандарты его ограничения должны быть очень высокими (см.: De Wilde, Ooms and Versyp v. Belgium [1971] ECHR 1, para. 65; Deweer v. Belgium, para. 49). Во-первых, ограничение этого права нельзя выводить только из заключения третейской оговорки. Во-вторых, всегда презумируется, что лицо это право не ограничило, если только его действия недвусмысленно не свидетельствуют об обратном. В-третьих, ограничение может иметь силу только постольку, поскольку соответствующие права не отнимаются по существу (см.: Waite and Kennedy v. Germany [1999] ECHR 13, para. 59).

Упомянутые особо строго защищаемые права в процесс третейского суда "вошли" через пункт 3 части первой статьи 536 Гражданского-процессуального закона, которая предусматривает: «Судья отказывает в выдаче исполнительного листа, если сторона, в отношении которой требуется исполнение решения третейского суда, предоставила доказательства того, что [...] третейский суд не был образован или процесс третейского суда не состоялся в соответствии с условиями третейской оговорки или части D настоящего закона». В данную часть D включены

нормы, предусматривающие объективность и независимость третейских судей (часть третья статьи 497), равноправие сторон (статья 505) и право быть выслушанным (статья 518). Также Конституционный суд обращает внимание на пункт 5 части второй статьи 530 Гражданского-процессуального закона, который предусматривает – если только стороны не договорились об обратном, в решении третейского суда должна быть указана мотивация. Поэтому не является обоснованным изложенное в конституционной жалобе мнение о том, что решение третейского суда не должно быть мотивировано. Отсутствие мотиваций, так же как и запрещение других упомянутых выше прав, когда стороны этого не желали, может быть причиной для отказа в выдаче исполнительного листа.

Согласно общему принципу государство не несёт ответственности за нарушения основных прав, допущенные в процессе третейского суда. Решая вопрос о приемлемости подобных жалоб, связанных с третейским судом, Европейская комиссия по правам человека неоднократно указывала, что «деятельность третейских судей не может повлечь за собой ответственность государства, пока государственные суды не будут приглашены для вмешательства в такую деятельность» (R.c. la Suisse; Jakob Boss Söhne KG v. Germany, No 18479/91; см. также, напр.: Heinz Schiebler KG v. Germany, No 18805/91). Однако обязанностью государства является, во-первых, обеспечение средств для защиты от нарушений упомянутых процессуальных прав в процессе третейского суда и, во-вторых, не признать результат такого процесса третейского суда. В Латвии, в отличие от большинства других государств, обе упомянутые обязанности сливаются, поскольку закон не предусматривает возможности требовать отвода третейского судьи или отмены решения третейского суда в государственном суде. Поэтому контроль над третейскими судами сконцентрирован на стадии выдачи исполнительного листа. Можно сомневаться в том, является ли такое решение оптимальным, а также в том, необходим ли отказ от признанной и принятой в мире модели контроля над третейскими судами, однако у государства имеется широкая свобода действий по установлению регулирования процесса третейского суда. Контроль на стадии выдачи исполнительного листа считается достаточным средством, по крайней мере, для обеспечения соблюдения основных прав. Однако, выдавая исполнительный лист по решению третейского суда, вынесенному без соблюдения основных прав, нарушаются как статья 92 Конституции, так и международные обязательства государства по реализации прав человека. Согласно нормам международного обычного права ответственность государства как таковая может быть инициирована в тех случаях, когда государство принимает как собственную ту деятельность, которая, совершённая государством, была бы незаконной. Этот принцип кодифицирован в проекте регулирования ответственности государства, подготовленном Комиссией по международным правам (см.: Draft articles on Responsibility of States for Internationally Wrongful Acts 2001, UN Doc A/56/10 (2001) Ch IV.E.1, p.43), который единогласно признала Генеральная Ассамблея Объединённых Наций. Не углубляясь в вопрос о горизонтальной применимости международных норм по правам человека, то есть, о применимости к отношениям между субъектами частного права, Конституционный суд согласен с тем, что ответственность государства инициируется даже в том случае, если акцептованные им «действия в исполнении первоначального исполнителя не были незаконными или их осуществляло частное лицо, для которого в соответствующих случаях международное право не является

обязательным» (см.: *Commentaries to the draft articles on Responsibility of States for Internationally Wrongful Acts 2001*, UN Doc A/56/10 (2001) Ch IV.E.2, p.122). Таким образом, выдавая исполнительный лист, государство становится ответственным за нарушения прав человека, имевшие место в процессе третейского суда.

В связи с этим на судах общей юрисдикции лежит вытекающая из Конституции и международных норм по правам человека обязанность отказать в выдаче исполнительного листа, если в процессе третейского суда не были соблюдены основные права, от использования которых лицо не отказалось, и Гражданко-процессуальный закон предусматривает возможность исполнения этой обязанности.

9.2. Оспариваемые нормы подлежат рассмотрению также в контексте с другими нормами Гражданко-процессуального закона, ограничивающими круг дел, рассматриваемых в третейских судах, а также предусматривающими вовлечение суда в урегулирование таких споров, которые согласно договору подведомственны третейскому суду.

Дела, определённые в пунктах 1–3 и 5 статьи 487 Гражданко-процессуального закона, которые нельзя передавать для рассмотрения в третейский суд, поскольку в них «стороны [не являются] неограниченными хозяевами или распорядителями» и являются "очевидными публично-правовыми элементами" (Bukovskis V., 570. lpp.). В соответствии с договорной природой процесса третейского суда пункт 4 упомянутой статьи от установления прав и обязанностей в третейском суде защищает лиц, которые не являются участниками третейской оговорки. В свою очередь, часть четвёртая статьи 493 защищает от ненадлежаще долгого откладывания разрешения спора, предусматривая случаи, при которых сторона имеет право в одностороннем порядке отказаться от третейской оговорки, а именно: если в течение более четырёх месяцев не сформирован состав третейского суда или же не совершаются никакие процессуальные действия, или если в течение года с начала процесса третейский суд не закончил рассмотрение дела вынесением решения. Наконец, статья 536 предусматривает обязанность суда отказать в выдаче исполнительного листа по решению третейского суда, если в процессе его вынесения были допущены нарушения норм процессуального или материального права.

Регулирование процесса третейского суда многих других государств, среди которых Австрия, Бельгия, Франция, Италия, Нидерланды, Швейцария и Германия, и Типовой закон для отмены (статья 34) и для отказа в признании или введении (статья 36) решений третейского суда предусматривают мотивы, схожие с содержанием статьи 536 Гражданко-процессуального закона. Необходимо отметить, что Типовой закон предусматривает также и другие случаи, при которых государственные суды могут привлекаться к процессу третейского суда, однако вмешательство либо выражается как помочь процессуального характера, либо обеспечивает процессуальные гарантии, которые, хотя и в иной форме, тем не менее по существу доступны согласно статье 536 Гражданко-процессуального закона об отказе в выдаче исполнительного листа.

Оценивая предусмотренные законом отношения между судами общей юрисдикции и третейскими судами, необходимо учитывать, что для сохранения достижимости целей третейского суда (см. пункт 8.2 настоящего решения) важно ограничить вмешательство в него. Руководствуясь данной позицией (см.: *Explanatory Note by the UNCITRAL Secretariat on the Model Law on International*

Commercial Arbitration, para. 14, <http://www.uncitral.org/english/texts/arbitration/ml-arb.htm>), в Типовой закон включена статья 5, которая предусматривает: «В регулируемые настоящим законом вопросы суды не вмешиваются, если только это не предусмотрено настоящим законом». В правовой литературе также указывается, что «с приближением конца двадцатого века, [...] утверждается всё большая независимость третейских судов» (Redfern & Hunter, pp.341–342). Сравнивая регулирование процесса третейского суда многих других государств, процитированное обобщение очень точно характеризует существующую ситуацию, поскольку в нормативных актах, регулирующих процесс третейского суда упомянутых государств, констатируется достаточное большое однообразие относительно основ, позволяющих вмешиваться в процесс третейского суда, обжаловать решение третейского суда или возражать против его признания и принудительного исполнения.

9.3. Кроме того, трудовое право (см. пункт 9.3.1 настоящего решения), права потребителей (см. пункт 9.3.2 настоящего решения) и конкурентное право (см. пункт 9.3.3 настоящего решения) предусматривают отдельные ограничения для заключения третейской оговорки.

9.3.1. Трудовое право является отраслью, в которой считается, что одна из сторон договора – работник – находится в более слабой позиции в экономическом отношении, поэтому устраивается возможность для «принуждения» его к третейской оговорке. Статья 30 Закона о труде предусматривает: «Индивидуальные правовые споры между работником и работодателем, если они не разрешены на предприятии, подлежат разрешению в суде». Ещё точнее эта норма повторяется в части четвёртой статьи 7 Закона о трудовых спорах: «Индивидуальный правовой спор не подлежит разрешению в третейском суде».

9.3.2. Похожими соображениями защищаются также потребители. Согласно пункту 7 части третьей статьи 6 Закона о защите прав потребителей несправедливым условием договора считается условие, которое «предусматривает рассмотрение споров только в третейском суде». Согласно части восьмой этой же статьи «несправедливые условия по требованию потребителя признаются не имеющими силы». Конституционный суд указывает, что такая обеспеченная законом защита потребителей является более широкой, чем иногда считается, поскольку даже, например, договоры потребительского кредитования (лизинга) и в большинстве своём договоры найма считаются потребительскими договорами. Действия, осуществляемые в соответствии с ними, соответствуют определению услуги, приведённому в пункте 2 статьи 1 закона: извлекается (нематериализованный) результат труда, например, возможность получить хозяйственную ценность (кредит) для приобретения товаров или возможность находиться в жилых помещениях, и данная работа совершается в рамках предпринимательской или профессиональной деятельности. Также следует учитывать, что пропитированные нормы Закона о защите прав потребителей о несправедливых положениях договора вводят требования статьи 3 Директивы Европейского Совета № 93/13/EС о несправедливых условиях в потребительских договорах (см.: Official Journal, L 95, 21/04/1993, pp.29–34). Интерпретируя установленные в директиве ограничения на привязку потребителей к меняющейся оговорке о подсудности, Суд Европейского Сообщества указал, что возможную несправедливость и действительность такой оговорки суду необходимо оценивать по своей собственной инициативе, поскольку по разным причинам потребитель может не явиться в другой суд, кроме как в тот, которому дело было бы подсудно согласно закону, и именно

такого рода проблемы соответствующие нормы должны устранить (см.: дела C-240-244/98, *Océano Grupo Editorial SA v. Roció Murciano Quintero* [2000] ECR I-4491, paras. 26, 29). Конституционный суд считает, что таким образом надлежит действовать также судам общей юрисдикции Латвии, если необходимо, отказывая в выдаче исполнительного листа согласно пункту 1 части первой статьи 536 Гражданского-процессуального закона. Третейским судам также по своей инициативе надлежит оценивать действительность включенной в потребительский договор третейской оговорки. Вынеся решение, которое в государственном суде оказывается неисполнимым, он становится ответственным перед участниками дела за проведение лишнего процесса.

9.3.3. В конституционной жалобе Заявитель также косвенно утверждает, что третейская оговорка может быть включена в договоры не столько в результате соглашения сторон, сколько за счёт использования одной стороной своей рыночной власти. Конституционный суд указывает, что в условиях нормальной конкуренции каждый может выбирать, какие условия договора предлагать и какие принимать. Следовательно, «невидимая рука» рынка должна влиять на содержание заключённых договоров. В случае, когда экономическое положение позволяет навязать одному или нескольким участникам рынка такие условия договора, с которыми прочие участники сделки при других обстоятельствах не согласились бы, защита возникает по нормам конкурентного права.

В пункте 4 статьи 13 Закона о конкуренции предусмотрено: «Любому участнику рынка, находящемуся в доминирующем положении, запрещается каким-либо образом злоупотреблять им на территории Латвии. Злоупотребление доминирующим положением может выражаться также как [...] прямое или косвенное навязывание или применение несправедливых условий торговли». В письме в Конституционный суд СК указывает, что «включение дискриминационных условий в третейскую оговорку и вытекающее из неё нарушение запрета на злоупотребление доминирующим положением можно квалифицировать в соответствии с правовым составом общей оговорки статьи 13, а саму третейскую оговорку считать несправедливым условием сделки. [...] То же самое относится к пункту 5 статьи 13, который предусматривает запрет на применение неравных условий в эквивалентных сделках с другим участником рынка, создавая для него неблагоприятные в конкурентном смысле обстоятельства». СК также указывает, что упомянутые нормы могут применяться, когда ни один из участников рынка в отдельности не находится в доминирующем положении, но несколько участников совместно образуют так называемую коллективную доминанту или совокупное доминирующее положение. Предложение нескольких одинаковых условий договора, в том числе третейской оговорки, само по себе ещё не свидетельствует об этом, однако, оценив особенности конкретной ситуации, например, возможность участников рынка действовать независимо от конкурентов и наличие экономических или иных связей, можно констатировать совокупное доминирующее положение. Конституционный суд считает, что коммерсанты конкурируют всеми этими предлагаемыми условиями договоров в совокупности, и поэтому третейская оговорка признаётся «торговым условием» в понимании Закона о конкуренции. Поэтому в случаях, когда участники дела ссылаются на третейскую оговорку, навязанную под влиянием рыночной власти, суду в рамках процесса выдачи исполнительного листа надлежит оценить, не имело ли место нарушение конкурентного права.

9.4. Как упоминалось ранее (см. пункт 8.2 настоящего решения), процесс третейского суда невозможно совместить с запрещённой оспариваемыми нормами возможностью рассмотреть соответствующее дело по существу в суде общей юрисдикции. Кроме того, оспариваемые нормы, даже если они ограничивают право лица обращаться в суд, не обеспечивают действительность третейской оговорки. Даже исключение данных норм из Гражданского-процессуального кодекса не запретило бы договариваться о рассмотрении существующих или будущих споров в третейском суде и не лишило бы силы уже заключённые третейские оговорки. Поэтому для достижения идентифицированных легитимных целей не существует менее затруднительной альтернативы. Также Конституционный суд делает вывод о том, что объём установленного в оспариваемых нормах ограничения обращаться в суд в достаточной мере снижается действующим регулированием гражданского процесса и других отраслей права. Таким образом, оспариваемые нормы являются соразмерными с их целью.

10. Одновременно Конституционный суд усматривает отдельные проблемы процесса третейского суда, которые существуют и в последнее время особо подчёркиваются в латвийской правовой науке и практике (см., напр.: Torgāns K. Šķīrējtiesas Latvijā: vajadzīgas radikālas pārmaiņas. Jurista Vārds. 2005. 11. janvāris, Nr.1, 1.–3.lpp.).

С точки зрения защиты основных прав наиболее существенной стадией процесса третейского суда является выдача исполнительного листа. На данной стадии контролируется соответствие решения и процесса требованиям закона. И ГБПЧ, и доктор юридических наук Я. Розенберг в адресованном Конституционному суду письмах выразили опасения о слишком коротком сроке принесения возражений против выдачи исполнительного листа, о запрете обжаловать решение о выдаче исполнительного листа и о разрешении этого вопроса без заседания суда. Поэтому Конституционный суд обращает внимание Сейма на то, что в принятом во втором чтении законопроекте «О внесении изменений в Гражданский-процессуальный закон» (http://www.saeima.lv/bi8/asa?dd=LP0968_2) по-прежнему не предусмотрена процедура выдачи исполнительного листа, которая соответствовала бы гарантиям статьи 92 Конституции и статьи 6 Конвенции, в том числе праву обжаловать решение о выдаче исполнительного листа. В рамках процесса выдачи исполнительного листа устанавливаются гражданские права и обязанности лица, и данный процесс должен соответствовать требованиям, содержащимся в статье 92 Конституции и статье 6 Конвенции. Однако в рамках настоящего дела Конституционный суд не призван оценивать нормы, допускающие выдачу исполнительного листа по решению третейского суда.

В настоящий момент в Гражданском-процессуальном законе и в проекте изменений к нему также отсутствуют нормы, определяющие процедуру оспаривания решения третейского суда, даже если не востребована выдача исполнительного листа. Принимая во внимание часто высказываемую критику о работе третейских судов и *prima facie* наблюдаемых недостатках в регулировании выдачи исполнительного листа, признанный в мире институт оспаривания решения третейского суда имел бы для Латвии особенно большое значение.

В то же время необходимо полностью реализовать контроль над работой третейских судов, предусмотренный в уже имеющемся нормативном регулировании.

Выдавая исполнительный лист, государственным судам надлежит установить высокие требования в отношении законности процесса третейского суда, в том числе независимости и объективности. В этой связи Конституционный суд добавляет, что согласно практике ЕСПЧ отсутствие независимости и объективности констатируется не только тогда, когда оно непосредственно доказано, но и тогда, когда по поводу наличия независимости и объективности могут возникать обоснованные сомнения (см.: Delcourt v. Belgium [1970] ECHR 1, para. 31; Piersack v. Belgium [1982] ECHR 6, para. 30). Причиной таких сомнений может быть организационная структура третейского суда, предыдущие отношения третейских судей со сторонами, а также другие факторы. Ссылаясь на ранее упомянутую согласованность в понимании латвийских и международных норм по правам человека (см. пункт 7.1 настоящего решения), Конституционный суд считает, что такой подход должен использоваться при применении понятий объективности и независимости, включённых в Гражданский-процессуальный закон.

Резолютивная часть

На основании статей 30–32 Закона о Конституционном суде, Конституционный суд постановил:

признать пункт 3 части первой статьи 132 и пункт 6 статьи 223 Гражданского-процессуального закона соответствующими статье 92 Конституции Латвийской Республики.

Решение окончательное и обжалованию не подлежит.

Председатель заседания суда
Айвар Эндзиньш